

В. ВАЛЬДЕНБЕРГ

Чаадаев и славянофилы

Московское книгоиздательство «Путь» предприняло издание сочинений и писем П. Чаадаева. Это — крупная услуга русскому обществу и русской науке. Пока вышел только один том из предположенных двух, и ученая критика, вероятно, укажет некоторые пробелы и недочеты, вкравшиеся в этот том, несмотря на тщательность его редакции. Но важно уже одно то, что здесь собраны почти все писания Чаадаева, которые до сей поры были разбросаны по разным журналам и были известны только узкому кругу специалистов, а некоторые из его писем и заметок напечатаны здесь впервые. Тот и другой материал, становясь достоянием широких кругов общества, заставит нас пересмотреть ходячую характеристику Чаадаева, а при этом пересмотре миросозерцание его, его философия явится перед нами в несколько новом свете, — особенно поскольку это касается его отношения к политическим и историческим вопросам.

Ученая история литературы давно уже признала Чаадаева одним из столпов и родоначальников западничества; чрез посредство элементарных учебников и руководств взгляд на Чаадаева как на типичного западника проник и в школу. Но если внимательно вчитаться в его сочинения, и особенно в его письма, то придется признать, что этот взгляд страдает односторонностью.

Впервые очерк своего миросозерцания Чаадаев дал в знаменитых «Философических письмах», написанных в 1829—1830 годах¹. Здесь высказаны мысли, которые являются, несомненно, основными тезисами западничества. Россия представляется здесь Чаадаеву как народ, не имеющий ни своей истории, ни заслуг перед человечеством: ее история — это «дикое варварство», «грубое невежество», которое, разумеется, не могло оставить ни пленительных воспоминаний, ни грациозных об-

разов; в России никогда не было ни науки, ни искусства. Отрицание за Россией истории ведет за собой отрицательное отношение к России и ко всему русскому вообще. Русские, по мнению Чаадаева, вполне равнодушны к добру и злу, к истине и лжи; у них нет ни хороших привычек, ни правильного общественного уклада, ни даже живой и деятельной веры. Основным вопросом, разделявший западников и первых славянофилов, — вопрос о возможности иной цивилизации, кроме европейской, — здесь решается в западническом духе, т. е. отрицательно. Но наряду с этим в «Философических письмах» встречаются идеи, которые уже тогда сближали Чаадаева со славянофилами и даже были характерными для всего славянофильского направления. Сюда следует прежде всего отнести ту мысль, что русскому народу чужда рассудочность, умственная методичность. Правда, Чаадаев относится к этой черте с порицанием, видит в ней не особенность русского духа, как славянофилы, а его прямой недостаток, но это не играет большой роли. Затем он признает, что русские — народ исключительный, существующий, вероятно, лишь для того, чтобы дать миру какой-то важный урок. Это тоже, по существу, мысль славянофильская. Можно указать еще другие, мелкие, черты сходства. Но главное сходство заключается не в этих чертах и отдельных мыслях, а в общем направлении, в общем характере мирозерцания. Следует, кажется, признать характерным для всякого мирозерцания, которое, подобно славянофильскому, относится положительно к России и к русскому духу, что оно стремится принять форму философско-историческую. Конечную истину, которая совпадает с конечным добром, оно стремится понять не как нечто данное, вполне осуществившееся (как Гегель нашел свой синтез в германском духе и в Прусском королевстве), а как должнствующее еще осуществиться, — следовательно, как путь, как исторический процесс. Отсюда интерес всех русских мыслителей к проникновению в смысл истории, к широким философско-историческим построениям. Так у Хомякова, И. Киреевского, Данилевского, Влад. Соловьева; то же самое у Чаадаева. Он прямо признает, что «современное направление человеческого духа побуждает его облекать все виды познания в историческую форму». И далее: «Пора сознать, что человеческий разум не ограничен той силой, которую он черпает в узком настоящем, — что в нем есть другая сила, которая, сочетая в одну мысль и времена протекшие, и времена обетованные, образует его подлинную сущность и возносит его в истинную сферу его деятельности». Вот почему и собственное его мирозер-

цание на первых же порах вылилось в форму «Писем по философии истории»².

Все это такие идеи, из которых во всякое время, при соответственных обстоятельствах и при склонности писателя может развиться мирозерцание чисто славянофильское. Склонность к этому у Чаадаева была. Его взгляды не остановились на «Философических письмах», а продолжали все время развиваться, и притом — в сторону славянофильства, так что, когда в 1836 г. одно из этих писем было напечатано и Чаадаева постигло за него суровое наказание, он имел полное право заявить в письме к гр. С. Строганову (8 ноября 1836 г.), что «в нем много таких вещей, которых бы он, конечно, не сказал теперь», и еще определеннее в письме к брату (1837 г.), что «эти мнения, может быть, ему вовсе теперь не принадлежат и что нынешний его образ мыслей, может быть, совершенно противоречит прежним его мнениям». Любопытно проследить, хотя бы в общих чертах, развитие его образа мыслей.

В письме к А. И. Тургеневу 1833 г. Чаадаев пишет, что великие идеи найдут у нас всегда больше отклика, чем у какого-нибудь другого народа, а в письме к императору Николаю Павловичу (того же года) он заявляет, что просвещение в России должно быть строго национально и должно опираться на совершенно иные основания, чем у других народов Европы, так как Россия иначе развивалась и имеет в человечестве совершенно особое назначение. Из произведений 1835 г. обращают на себя внимание два письма к А. И. Тургеневу. В одном из них мы находим мысль, что Россия призвана совершить огромный путь умственного развития и что «она должна, в один прекрасный день, дать решение всех тех вопросов, которые мучат Европу»; он убежден, что Россия, будучи свободна от всех предвзятых идей и эгоизмов, которые задерживают развитие западных народов, достигнет когда-нибудь такой высоты, которая для других народов почти недостижима. А в другом письме он начертал уже почти законченную программу. «Россия, — читаем здесь, — если она понимает свое назначение, должна взять на себя инициативу всех благородных идей, так как у ней нет привязанностей, страстей, идей и интересов, свойственных Европе». Россия слишком могущественна, чтобы вести политику народов, — ей принадлежит политика человечества. Это понял Александр I, и в этом его громадная заслуга. Будущее России в служении человечеству. Правительство это понимает и делает свое дело, но и общество должно работать в том же направлении. Многие думают, что необходимым условием умственного

развития является широкая свобода, но это неверно. Классическая страна деспотизма — Восток, и однако с Востока идет свет знания; арабы не знали конституции, но это не помешало им оказать большие услуги науке; цензура, осудившая Галилея, была более сурова, чем русская. Умственный прогресс зависит не от свободы, а от талантов. Они необходимы нам, чтобы восполнить пробелы в нашей образованности и уничтожить недостатки в нашей умственной организации, из которых главный — отсутствие логической последовательности в мышлении. Когда это будет сделано, мы быстро догоним Европу. Западные мыслители думают, что назначение России — просветить народы Азии; но они сильно ошибаются. Назначение наше — просветить Европу в целом ряде таких вещей, которые она без нас никогда не могла бы понять. Настанет когда-нибудь день, и Россия займет умственный центр Европы — так же, как теперь она стоит в центре политическом. Хорошее заключение к этой программе составляет мысль, которую бросил Чаадаев в письме к тому же А. И. Тургеневу от 25 мая 1836 г.: «Удивительное стремление — сделать нас во что бы то ни стало похожими на остальные народы. Что общего между нами и Европой? Паровая машина — вот и все».

Так развивались взгляды Чаадаева до того рокового момента, когда почти помимо его желания было опубликовано первое из философических писем. Утверждая в официальном письме на имя председателя Московского цензурного комитета, что мысли, там изложенные, уже не соответствуют его теперешним воззрениям, Чаадаев этим самым как бы принимал на себя нравственную обязанность пересмотреть свою систему. Этот пересмотр он и делает в двух письмах 1837 г. к А. И. Тургеневу и в своей знаменитой «Апологии сумасшедшего»³.

Полного отказа от прежних взглядов здесь нет. Чаадаев продолжает и теперь утверждать, что русские равнодушны к истине и к добру; по-прежнему кажется ему, что у России нет истории, что «Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги», что до него мы жили «жизнью ископаемых». Но в то же время он признает, что в первый период своего творчества он слишком превознес Западную Европу и что было преувеличение «в обвинительном акте, предъявленном великому народу». Теперь он уже иначе смотрит на европейскую историю и цивилизацию. То, что прежде в его глазах придавало ценность этой цивилизации и осмысливало эту историю, теперь представляется ему уже в ином свете. Католичество больше не кажется ему воплощенной истиной; теперь он находит, что «хрис-

тианство политическое» отжило свой век и должно уступить свое место христианству чисто духовному и что в России христианство сохранило свою значительную чистоту: осталось вне влияния страстей и земных интересов (письмо 1837 г. к М. Орлову). Подобно славянофилам, он останаавливается с восторгом перед актом избрания Михаила Федоровича на царство, когда «русский народ обнаружил высокую мудрость», отрекшись от принадлежащей ему власти. Вообще, он восхваляет монархическое начало и видит в нем великое преимущество России: ему обязана она своим величием, в нем же и залог ее будущего благоденствия, ибо для достижения его «нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себя все воли народа и выражает все его стремления». Мы не должны отказываться от наследия чужих народов, но было бы безумием утверждать, что мы обречены повторять длинный путь, пройденный Западной Европой. В сравнении с другими народами русский народ обладает важными духовными преимуществами: отсутствием рассудочности («мы угадываем, а не изучаем»)*, смирением, бескорыстными сердцами, простодушными верованиями. И это заставляет нас признать, что русскому народу доверена какая-то особая идея, которую он призван осуществить и под знаменем которой он поведет все другие народы. Чаадаев склонен думать, что эта идея имеет нравственное содержание, что «мы призваны решить бóльшую часть проблем общественного порядка» и что мы «предназначены быть настоящим совестным судом (jury) по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества». Теперь Чаадаев все более становится поклонником Карамзина и его литературных приемов. По поводу его слога он делает, в письме к Тургеневу, такое замечание: «Мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать»⁴. Как это напоминает известные стихи Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить!

Итак, пересмотр своих взглядов привел Чаадаева к тому, что идеи и тезисы славянофильского характера получили в его системе более прочное место, хотя и не изгнали из нее идей противоположного характера. Получилась система своеобразного содержания, которой Чаадаев оставался верен уже до конца своих дней. Если подробно изучать его письма за последние

* Ср. учение Хомякова о познании.

10–15 лет, то можно в них заметить некоторые новые мысли и новые факты, ссылок на которые не встречается в прежних сочинениях. Но эти изменения не очень значительны и все они свидетельствуют, что склонность к славянофильству у автора не уменьшалась, а наоборот — увеличивалась. Для этого достаточно взять два его письма к французскому публицисту Сиркуру, одно 1845-го, а другое — 1846 г. В обоих он говорит, что Европа застарела в своей бесплодной рутине, что западное государство есть результат завоевания, а русское — начинается с призвания варягов, факта беспримерного во всемирной истории. Русская образованность, читаем здесь, имеет по преимуществу религиозный характер, а православие отличается от западных исповеданий широкой терпимостью и первобытной чистотой. Мягкость славянской природы и склонность к самоотречению составляют главные причины того, что русская история в корне не похожа на историю европейских народов. Русский народ — народ Божий, которому предназначено стать во главе всех народов мира. О реформе Петра В^{еликого} Чаадаев говорит, что необходимость ее доказывается тем, что она прошла очень легко, без всякого сопротивления, но о ней же он говорит, что это был «наплыв идей», отвергнутых нашими предками, который парализовал наши способности, изменил наши склонности, извратил добродетели. И он весьма решительно предлагает возвратиться назад, к прекрасной старине.

Подводя итог всему изложенному, можно сказать, что Чаадаев ни в одном из моментов своего философского развития не был ни вполне последовательным западником, ни вполне правозверным славянофилом. Он никогда не отрицал у России самостоятельной исторической задачи и не требовал от нее полной европеизации; с другой стороны, он никогда не мог вполне примириться с историческим прошлым России и вполне его себе объяснить. Элементы того и другого мировоззрения тесно переплетались в его системе, причем идеи славянофильского характера приобретали с течением времени все большее значение.

Как Чаадаев сам относился к славянофилам? Его письма к Хомякову, И. Киреевскому, Погодину, Шевыреву написаны в чрезвычайно дружеском тоне, но отношение к их идеям не доведено у него до полной ясности. Иной раз он говорит о них с одобрением (к Сиркуру, 1845 г.), но большей частью высказывается с иронией и с враждебным чувством о «блаженном патриотизме», который все хочет видеть в розовом свете, о «нашем времени, напыщенном народной спесью», о писателях, которые воскрешают давно забытые времена и нравы, хотя он и

признает, что эта реакция против Запада идет не сверху, а составляет настоящее общественное движение. Нужно заметить, что Чаадаев смешивал славянофилов с официальным народничеством и, борясь со вторым, думал, что разбивает первых. Он подмечал сходство в программе того и другого направления, но от него оставалось скрыто существенное различие между ними: для официального народничества характерной чертой является апофеоз действительности, возведение ее в перл создания. У славянофилов этого нет; им это чуждо так же, как и Чаадаеву.

